

Даже сам Рафаэль не ожидал, что действительно произнесёт это вслух. Август словно обладал особой магией, пробудив в нём невиданное прежде желание излить душу. Однако на этом его откровения и закончились. Не дожидаясь реакции Августа, он подвёл черту: «Я верю, что в них есть некая священная сила, и ты достоин обладать ими больше, чем я».

Склонённая голова, взгляд, полный нежности, сосредоточенности и благоговения.

— Я сохраню их для тебя, — торжественно пообещал Август. — Когда захочешь вернуть — просто скажи.

Они обменялись не просто парой запонок, а чем-то сродни священному обету.

Август был тактичен и не стал ни о чём расспрашивать, не полез с праздным любопытством. Некоторые воспоминания принадлежат лишь одному человеку, они слишком сокровенны. Не знать их — не смертельно, а вот того, кого принудят к исповеди, это может сломать.

И потому...

— Будь счастлив, Йер. Ты заслуживаешь самого большого счастья на свете, как и любой другой.

Рафаэль наклонился и обнял Августа — просто потому, что захотелось. Спросил тихо: «Почему ты всегда думаешь, что я несчастлив?»

Потому что в прошлой жизни я уже знал тебя. Твои речи всегда были полны гнева и ярости; в моих представлениях ты был этаким мелким негодяем, что вечно задирал нос и смотрел на других свысока. Ты не умел улыбаться, всегда оставался холодным. В этой жизни, встретившись вновь, ты научился улыбке, но счастья так и не познал.

Потому: «Я хочу, чтобы ты был счастлив».

Рафаэль выдохнул тёплый воздух на ухо Августу — лёгкое, щекочущее прикосновение, словно перо, скользнувшее по сердцу и вызвавшее дрожь. «Я тоже», — сказал он.

Настоящим подарком ко дню рождения, конечно, были не те запонки, что Рафаэлю вздумалось преподнести с утра. Им стало то, что произошло позже, когда всё дворянство переместилось из бального зала в королевскую часовню и в оцепенении слушало, как король Ричард II перед архиепископом Кентерберийским из Англиканской церкви, держа за руку принцессу Анну, произносит: «...в болезни и в здравии, в богатстве и в бедности, я буду хранить верность тебе до конца дней моих...»

...с сего дня ты, принцесса Анна, становишься моей сестрой.

— Что?!..

Вместо свадьбы состоялся обряд усыновления.

Видимо, это и есть та самая участь влюблённых — становиться братом и сестрой... Впрочем, средневековые дворяне вряд ли были знакомы с подобными изысками, а потому лишь выражали на лицах полнейшее недоумение. Некоторые так и норовили ухватиться за тщедушные плечи короля и завопить: «Какого чёрта ты творишь?! Кто вообще женится на невесте, а потом усыновляет её? Приведи хоть один пример!»

Ричард II сохранял спокойствие. Он ведь уже однажды казнил жену и женился вновь — тоже безо всяких прецедентов. Но он сделал это, ибо он король и ему всё дозволено. К чему ему прецеденты?

Более того, Ричард II с важным видом возложил на голову принцессы Анны изящную корону, усыпанную самоцветами, и даровал ей диковинный титул «Сестра короля».

Что до свадьбы...

Король заявил: какая свадьба? Я что-то говорил? Недоразумение! Мы всё это время готовили церемонию усыновления, взгляните в мои честные глаза! Ах, насчёт текста в приглашениях — так то ошибка практиканта-гофмейстера, я уже сделал ему устное внушение. Дадим молодёжи шанс, всякое в жизни бывает.

Подставной гофмейстер: «Верно, это я напутал».

— Отношения меж Англией и Клевсом подобны отношениям моим с Анной — братским, сестринским! Да пребудет дружба и родство вечными! — Ричард II даже произнёс экспромтом пламенную речь, дабы возвысить святость сего обряда усыновления...

...как бы не так!

Что оставалось дворянам в церкви, слушая, как король несёт такую околесицу? Лишь аплодировать да согласно кивать: да-да, родственные узы — прекраснейшее из уз, драгоценнейший дар Господа человеку. Посланники из Клевского герцогства, прибывшие на свадьбу принцессы, тоже могли лишь стиснуть зубы и смириться — в конце концов, это их принцесса первой выразила нежелание вступить в брак.

Да, это Анна сама предложила это Ричарду II. Она не стала раскрывать источник идеи, а король и не стал допытываться, с радостью немедля дав согласие.

Август взглянул на Рафаэля. Он был на сто процентов уверен, что это его рук дело. Тот и сам признался, но... как ему это удалось?

Рафаэль смотрел прямо перед собой, не проронив ни слова.

Убедить принцессу Анну оказалось несложно. Она не была из тех, кто цепляется за несбыточное, иначе изначально не согласилась бы на этот брак, что превращал её в разменную монету в политической сделке. Возможно, она некогда и совершала глупости, ослеплённая страстью к Ричарду II, но, очнувшись и осознав, что любовь — не более чем морская пена, не стоящая и ломтя хлеба, она решительно отступила. Так принцесса Анна с лёгким сердцем убедила короля, с лёгким сердцем стала королевской сестрой и даже приготовила подарки всем «родственникам», не забыв и Августа с Рафаэлем.

Рафаэль сидел в первом ряду, выпрямив спину, рядом с Августом, являя собой образец серьёзности и благопристойности. Но под прикрытием рукава он ловко и непрестанно теребил пухлую ручку Августа, будто это была самая увлекательная игрушка на свете. Его губы почти не двигались, но слова звучали отчётливо: «Твоё желание на день рождения сбылось».

Традиция загадывать желание, задувая свечи на торте, существовала уже давно, хоть в Средние века и была распространена преимущественно в Священной Римской империи. Но это не значит, что английские дворяне о ней не ведали.

В своё утро в день рождения первым делом Август, под почтительным взором старого дворецкого, задул свечи на пироге. Закрыв глаза, он загадал желание — вновь попросил Бога, милостивого, предотвратить этот брак Ричарда II, что не сулил счастья никому. Хотя Август отлично понимал: Бог не занимается исполнением желаний на день рождения, он всё же загадал.

И тогда Рафаэль доказал Августу на деле: то, что не под силу Богу, под силу мне.

— Доволен? — спросил Рафаэль.

Август опустил голову; в сердце его бушевала буря чувств. «Кажется, это я должен был сделать тебя счастливым», — сказал он.

— А я и так счастлив. Ты счастлив — и я счастлив.

Август серьёзно задумался: если Рафаэль и дальше будет таким сладким, он действительно не сдержит себя и совершит нечто ужасное! Мысли эти были крайне опасны! Нужно держаться строго!

Ричард II меж тем продолжал обряд усыновления с полной серьёзностью. Все приготовления к свадьбе не пропали даром — просто сменили вывеску. После церемонии банкет состоялся как ни в чём не бывало: изысканные французские яства, танцы до рассвета, даже раздача остатков пищи церковным богадельням — всё по плану.

Дворяне пришли в себя даже быстрее новоявленной королевской сестры. В конце концов, они и сами не горели желанием благословлять сей брак, так что его отмена пришлась весьма кстати. Да и королевское усыновление — событие немаловажное, не так ли?

На лицах гостей играли улыбки — куда более искренние, нежели в начале предполагаемой свадьбы. Мисс Елизавета поспешила отправить весть с доброй новостью королеве-матери, что на церемонии не присутствовала. Наследный принц-Пирожок пребывал в лёгком недоумении, беззаботно потягивая свой детский напиток. Мисс Мария по-прежнему хранила невозмутимость, но, к всеобщему удивлению, танцевала уже пятую партию со своим кавалером. Кавалер этот, строго говоря, тоже принадлежал к королевской семье — его дед был братом Вильгельма II, и ходили слухи, что он унаследует титул герцога Ланкастерского. Повсюду он носил с собой алую розу — символ своего дома.

Однако и в этой всеобщей идиллии звучали фальшивые ноты. Одной из них был министр Томас Кромвель.

Кромвель был фаворитом Ричарда II, его стаж службы королевской воле был даже больше, чем у Рафаэля. Он получил титул графа Эссекса, действовал как королевская гончая и нажил немало врагов — например, проталкивая через Парламент ряд законов, связанных с Реформацией, или конфисковав имущество четырёх тысяч церквей по всей Англии, чем снискал лютую ненависть мисс Марии.